Андрей Кузнецов

Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена

Статья посвящена сопоставлению двух теоретических проектов — символического интеракционизма (СИ) и акторно-сетевой теории (actor-network theory, ANT). Выделяется ряд общих для обоих подходов черт, которые являются скорее точками пересечения и расхождения, чем пунктами встречи и совместной работы. Методологические инструменты обоих подходов выстраиваются вокруг проблемы присутствия/отсутствия и уделяют принципиальное внимание вопросам действия на расстоянии, обмена, замещения или устранения, опосредования, смещения и делегирования. Между СИ и ANT существует «зона обмена», которую формируют исследования науки и технологии с позиции теории «социальных миров» (С. Л. Стар, А. Кларк, Дж. Фудзимура, Э. Джерсон, К. Гаррети), заимствующие ряд понятий ANT, и в то же время критикующие это направление.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, символический интеракционизм, Бруно Латур, Джон Ло, Джордж Герберт Мид, Герберт Блумер, интерпретация и перевод, символическое и несимвольческое действие, «зона обмена».

Экспозиция и вопросы

Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория — два протагониста этого короткого нарратива. Отцы-основатели и апостолы первого давно занимают свое место в иконостасе (современной) классики. Однако в России им мало кто молится, чаще поминают всуе за некоторую экстравагантность их жития и учения.

Кузнецов Андрей Геннадиевич — к. соц. н., старший научный сотрудник, НОЦ «Социально-политические исследования технологий» НИ ТГУ, доцент, кафедра социологии, Волгоградский государственный Университет. E-mail: andrey. kuznetsov. 29@gmail.com

«Гетерогенных инженеров» второй часто одаривают недоверием как еще одних всадников постмодернистского апокалипсиса, а еще чаще — просто игнорируют. Знакомство же с содержательной частью их теории нередко повергает в ужас как консерваторов, так и либералов от российской социологии. Однако столь разных героев связывает похожая судьба.

В 2007 г. Владимир Николаев в предисловии к серии переводов Джорджа Герберта Мида сетовал, что за истекшее десятилетие в России новых переводов классика СИ не появилось и в ближайшем будущем тоже не предвидится [Мид, 2007, с. 117]. К этому можно было бы добавить, что за это время не появилось и достаточного количества комментариев в виде монографий или аналитических статей, позволявших хотя бы в пересказе услышать о деяниях интеракционистов. Похожая ситуация намечается и в отношении ANT. После двадцатилетнего (с момента развернутого представления ANT [Mapping the dynamics.., 1986]) игнорирования в России и всплеска интереса в 2002–2006 годах, когда вышли первая книга Латура [2006 (в)] на русском, ряд важных статей основателей направления [Вахштайн, 2006; Латур, 2002 (б); Латур, 2006 (д)] и интересных комментариев [Хархордин, 2006; Вахштайн, 2006] — практически полное затишье в последующие четыре года. Это формальное и поверхностное сходство траекторий говорит не столько о характере российского социологического рока, постигшего наших героев, сколько наталкивает на мысль о возможной близости ANT и СИ. По следам этой поверхностной симптоматики мы можем задать ряд вопросов. Что общего у СИ и ANT? Что различает их? Каковы формы обмена и взаимодействия между ними?

Старый добрый СИ знаком автору (как и всем изучавшим социологию) еще с университетской скамьи в качестве пестрой и веселой компании со своими странностями, прелестями и изъянами. ANT же является его бурным и захватывающим увлечением нескольких последних лет. Как ни странно, новое увлечение не только не заместило, но освежило и пробудило интерес к старому знакомству. Именно чтение Латура, Каллона и Ло побудило перечитать (как в смысле повторного обращения, так и в смысле переосмысления) Мида, Блумера, Гофмана, Беккера и внимательнее отнестись к Джеймсу и Дьюи.

Является ли этот опыт идиосинкразическим? Возможно. Но он открывает путь к вопросу о том, может ли ANT служить средством обновления в России интереса к СИ и к прагматической традиции в целом? Возможно, взаимодействие тех, кто заинтересован этими подходами в России, окажется перспективным?

Точки пересечения

Поиски форм взаимодействия между СИ и ANT логично было бы начать с их сравнения. Публикаций, в которых бы проводилось такое сравнение, немного [Latour, 2001; Mol, Mesman, 1996; Law, 1994]. Джон Ло — один из основателей ANT — обнаруживает целый ряд точек соприкосновения двух направлений.

1. Как ANT, так и СИ являются социологиями процесса и уделяют большое внимание не тому, *что* происходит во взаимодействии, но тому, *как* оно протекает. Общество — скорее глагол, чем существительное, скорее процесс или режим собирания различных элементов, чем вещь.
2. СИ (неявно) и ANT (явно) руководствуются принципом симметрии [Блур, 2002] в описании социальной жизни. Оба направления отрицают деление социальной реальности на микро- и макроуровни.
3. Следствием внимания к самому процессу взаимодействия и отрицания аналитической полезности микро/макро различения становится понимание человеческого Я, социального неравенства, социального порядка не как исходных пунктов анализа, но как результатов серии взаимодействий. Потому общество или социальное, социальная структура, идентичности не могут быть объяснительными принципами, но сами требуют объяснения.

   Джон Ло указывает на преемственность между двумя перспективами и отмечает, что ANT — это СИ с оттенком макиавеллианской политической теории [Law, 1994 (b), p. 100].

   Помимо точек пересечения СИ и ANT, выделенных Ло, можно указать и на другие.
4. Внимание к процессу взаимодействия проблематизирует действие как таковое. Действие понимается как принципиально недодетерминированное, как источник неопределенности. Условия действия, хотя и оказывают влияние на него, но никогда не определяют его полностью. Действие всегда является сюрпризом и не может быть объяснено каузально в строгом смысле этого слова, когда знания входных параметров действия достаточно для того, чтобы предсказать его результат. Отсюда и критика теорий, объясняющих действие в терминах установки и мотивации, поскольку они рассматривают его как более или менее успешное осуществление, как всего лишь необходимую промежуточную стадию между задумкой (причиной) и результатом (следствием). И для СИ, и для ANT действие есть событие, проблематичное опосредование с непредсказуемым исходом.

5. Оба подхода черпают свое вдохновение в философии прагматизма. При этом показательно, что и те, и другие опираются преимущественно на Джеймса и Дьюи, оставляя в стороне семиотику Пирса.
6. Интерес к *процессу* взаимодействия, вероятно, проистекает из той значимости, которой обладает метафизика процесса А. Н. Уайтхеда для обоих подходов. Для Мида как основоположника СИ Уайтхед был регулярным пунктом референции. Для Латура как основателя ANT Уайтхед стал краеугольным камнем его онтологии.
7. Можно обнаружить некоторую рамочную преемственность в правилах метода между СИ и ANT. Максима ANT — «Следуйте за акторами!» — во многом напоминает блумеровское методологическое требование организовывать эмпирическое исследование с уважением к миру тех, кого изучают социологи.

Семь (хотя, видимо, можно обнаружить и ряд других) пунктов схождения — это немало. Однако (как становится все более очевидно по мере развития двух направлений) во многом это не столько пункты схождения, сколько области пересечения, за пределами которых пути СИ и ANT расходятся.

Пути расхождения

СИ и ANT делают разные выводы из тезиса о неполной детерминации действия. Для СИ главным источником неопределенности является человеческое мышление. Показательным в этом отношении является понятие несимволического действия у Блумера, под которым понимается спонтанное, невольное действие, не опосредованное мышлением и интерпретацией [Блумер, 2008]. Для ANT источником непредсказуемого опосредования может стать любая действующая сила (актант) человеческая или не человеческая. Таким образом, для СИ принцип «причина не есть следствие» действует только в отношении людей, в отношении не людей СИ придерживается каузального объяснения.

СИ и ANT различает подход к познанию и интерпретации. Для СИ интерпретация — это сугубо человеческое предприятие, а мышление — это то, что отличает человека от всех остальных существ. ANT во многом придерживается теории распределенного познания (Э. Хатчинс), где когнитивные способности и компетенции разделяются человеком со множеством нечеловеческих сущностей. Если СИ ограничивает процесс формирования значения человеческим мышлением, то ANT распространяет законы семиотики на все сущности. В этой связи Джон Ло говорит об ANT как о «семиотике материального» [Law, 2009 (a)].

Можно предположить, что истоком этого разбегания являются две разные антропологии, с которыми себя связывают СИ и ANT. Дэвид Мэйнс отмечает, что интеракционисты, обосновывая свою перспективу, опираются не на какие-либо аксиомы или пропозиции, а на фундаментальные характеристики человека как вида [Maines, 2001, p. 3]. У целого ряда авторов [Maines, 2001; Plummer, 2000; Sandstrom, Martin, Fine, 2011], написавших обобщающие статьи о СИ, мы можем обнаружить перечень положений, которые, как они утверждают, разделяют большинство интеракционистов. Эти положения, по сути, являются антропологическими фактами. Наиболее важные из них: 1) человек является уникальным существом, поскольку использует язык и символы; 2) человек действует по ситуации и на основе значений, что делает его поведение непредсказуемым и чрезвычайно разнообразным; 3) люди обретают свою человечность в процессе взаимодействия с другими людьми; 4) человеческие общества состоят из людей, вовлеченных в символическую интеракцию.

Прежде чем поставить (в высшей степени дискуссионный) вопрос о том, что такое общество, интеракционисты имплицитно (и не особо дискутируя) отвечают на вопрос, что такое человек. СИ постулирует кардинальное отличие человека и его общества от других существ и их ассоциаций, коренящееся в языке и способности использовать значимые символы.

Именно отклонение от этой корневой для СИ антропологии радикально исполняет ANT. Явное проявление этой дивергенции следует, вероятнее всего, отсчитывать с момента выхода эпохальной работы Бруно Латура «Об интеробъективности», которая полемически заострена против интерпретативных теорий, в том числе и против символического интеракционизма. Эта статья входит в серию работ [Latour, 2001 (a); Latour, 1987 (c); Latour, Strum, 1986], написанных Латуром в сотрудничестве с приматологом Ширли Страм, в которых они обращаются к вопросам антропологии, антропогенеза и природы социальной связи. ANT сохраняет одну из базовых антропологических интуиций СИ: человеком не рождаются, им становятся, и становление это происходит во взаимодействии с другими. «Ничто, даже человек, не существует для себя или посредством себя, но всегда *посредством других вещей* и *для других вещей*» [Garrety, 1997, p. 256]. Обе перспективы согласны в том, что другие встроены в человеческое существование в качестве его терминального условия. Однако в ANT диапазон этих других предельно расширяется. Человека человеком делают не только язык и символы, но и бесконечное множество сущностей, которых ANT наделяет способностью действовать и называет актантами. Язык в ANT не является ни эксклюзивной меткой человеческого рода,

ни исключительно человеческой компетенцией. Человеческие ассоциации от иных сообществ отличает не столько умышленное использование символов, сколько систематическое использование вещей.

Присутствие/отсутствие

Если исток расхождений СИ и ANT столь радикален, то что может стать основанием взаимодействия и обмена? Вторая гипотеза данной статьи состоит в том, что СИ и ANT разделяют методологическую чувствительность к проблеме присутствия/отсутствия. В попытке управиться с этой проблемой одни прибегают к услугам «символов», «интерпретации», «принятия роли Другого», «значимых и обобщенных Других», «фреймов», «передних и задних планов исполнения», «фоновых ожиданий», а другие — к «вещам», «переводам», «черным ящикам», «делегированиям» и «медиациям», «действиям на расстоянии». Можно предположить, что и СИ, и ANT согласились бы с тем, что ни одно взаимодействие не может быть реализовано или понятно только из самого себя. То, что формирует условия взаимодействия, позволяет ему разворачиваться и делает возможным понимание этого взаимодействия как теми, кто в нем участвует, так и теми, кто его изучает, неизбежно отсутствует, находится на расстоянии. Отсутствует то, что удалено во времени, в пространстве, или то, что не может быть представимо само по себе. Это по сути другая формулировка тезиса о том, что в бытие каждой сущности встроен Другой (а точнее, другие), который СИ и ANT разделяют даже в пункте своего коренного расхождения — антропологии. Невозможно, чтобы все присутствовало в одном вместе и в одно время, отсутствия неизбежны, невозможно достичь абсолютной автономии, равно как и завершенности и чистоты, неполнота и гетерономия неизбежны. Отсюда возникает интерес к исследованию незавершенных и неопределенных процессов и в СИ, и в ANT.

Понятие символа в СИ решает именно проблему присутствия/отсутствия. Мид определяет символы как «части опыта, которые подчеркивают, указывают или представляют другие части опыта, не данные непосредственно в это время и в этой ситуации, которые благодаря символам, таким образом, представлены и переживаемы» [Mead, 1934, p. 122]. В ходе взаимодействия символы позволяют замещать что-то (события, вещи, людей, процессы), что отсутствует здесь и сейчас, а до и после взаимодействия — замещать само это взаимодействие и его перипетии, делая возможным согласованное (коллективное) действие. Знаки имеют способность обобщаться, превращаясь из вполне однозначных жестов, замещающих определенные

ситуации, в значимые символы, которые замещают целые классы разнородных ситуаций. Это порождает проблему преодоления дистанции, зазора, расстояния между присутствующим и отсутствующим, которую СИ формулирует в терминах интерпретации. Интерпретация — процесс, разворачивающийся посредством принятия роли Другого. Актор, находящийся в ситуации здесь и сейчас, замещает отсутствующего здесь и сейчас Другого или его пока еще неисполненное действие, его неочевидные мотивы и намерения своими предположениями о них. Это позволяет ему определять ситуации, формировать значения и действовать на основе этих значений, т. е. согласовывать свои действия с действиями других.

Политическим измерением этой проблемы в СИ является внимание к процессу замещения или устранения тех или иных акторов и их деятельности из публичной сферы. СИ ставит перед собой цель уберечь людей от опасности дегуманизации. Язык, отделяющий людей от нечеловеков, занимает центральное положение в методологической установке слушать то, что говорят люди, вместо того, чтобы упорно наблюдать за тем, что они делают. Однако необходимо слушать не просто кого-то, но тех, чьи голоса замалчиваются, тех, кому не дают говорить. Они уделяют особое внимание тем людям, чьи интерпретации и деятельность исключаются из публичной сферы. Сьюзен Ли Стар говорит, что заниматься социологией невидимого — значит рассматривать процесс устранения (или замещения) в качестве центрального аспекта человеческого поведения и сравнивать то, как он протекает в различных сферах [Star, 1991, p. 424–425].

В ANT проблема присутствия/отсутствия с еще большей явностью занимает центральное место. Грэм Харман отмечает, что у Латура все сущности, населяющие мир, являются внешними в отношении друг друга, между ними существует нередуцируемая дистанция. Поэтому концепт «действие на расстоянии» занимает у него центральное положение [Harman, 2009, p. 34–35]. Значительная часть терминологического аппарата ANT предназначена для описания действия на расстоянии. Центральное место здесь занимает понятие перевода, которое под определенным углом можно рассматривать как видоизмененное (и распространенное на все без исключения сущности) интеракционистское понятие интерпретации. Латур в книге «Наука в действии» определяет перевод как интерпретацию создателями фактов своих интересов и интересов тех, кого они вербуют себе в союзники [Latour, 1987, p. 109]. Понятие перевода описывает процесс интерпретации, переговоров, расчетов и даже насилия, в результате которого одним удается заставить замолчать других и получить возможность говорить от их имени. Как было показано выше, СИ также исследует этот процесс, но в других терминах.

С заботой СИ — дать голос безголосым — перекликается на первый взгляд и призыв Латура [2006 (а)] учитывать в социальных науках «недостающую массу» вещей. Этот призыв был воспринят интеракционистами как попытка наделить вещи политическими правами, как распространение интеракционистской стратегии на материальные объекты. Однако наделение вещей в ANT способностью действовать предполагает не привнесение объектов в уже существующие политические институты, но изменение самой политики.

Интерес к вещам (а точнее, к нечеловекам) имеет прежде всего методологическое значение для описания гетерогенных ассоциаций, которые в ANT приходят на смену гомогенному человеческому обществу в СИ. Латур в статье «Об интеробъективности» недвусмысленно показывает, что и вещи в ANT, и символы в СИ решают одну и ту же проблему [2006 (г), с. 183–184]. Это, однако, не означает, что вещи детерминируют взаимодействия, что они всегда играют важную роль. Статус вещей в ANT не определен, так же, как и статус символов.

Зона обмена

Это намеренное умножение неопределенности позволяет помыслить пространство на стыке ANT и СИ, где было бы возможно исследование градиента, одним полюсом которого были бы вещи, а другим — символы. Возможно, таким пространством станут работы Сьюзен Ли Стар, Адель Кларк, Джоан Фудзимуры, Карин Гаррети, Элиху Джерсон, которые исследуют науку и технологию с позиции теории социальных миров. Третья гипотеза данной статьи состоит в том, что корпус работ этих авторов является зоной обмена между СИ и ANT. Понятие зона обмена ввел американский историк науки Питер Галисон для описания многослойности и разобщенности науки (в частности, физики), где различные традиции координируются друг с другом, не сливаясь при этом в одну. Разнообразные традиции СИ и ANT удовлетворяют этому условию как нельзя лучше. Зону обмена Галисон [2004, с. 76] использует «в качестве аналитического понятия для обозначения социального и интеллектуального пространства, в котором связываются воедино дотоле разобщенные традиции экспериментирования, теоретизирования и изготовления научных инструментов».

Такие зоны необходимы для сосуществования разнородных традиций друг с другом, в них появляются гибридные языки, пиджины, которые позволяют координировать исследовательские стратегии.

Объем данной статьи позволяет лишь набросать несколько тезисов в подтверждение данной гипотезы.

1. Местом обмена между двумя традициями, является, прежде всего, журнал «Social Studies of Science».
2. В работах вышеупомянутых авторов образуется пиджин, сочетающий в себе понятийный аппарат теории социальных миров с терминологией ANT [Star, Griesemer, 1989].
3. ANT индуцировала появление новых исследований науки и техники в СИ [Clarke, Gerson, 1990; Clarke, Star, 2003].
4. Стар дополняет и критикует модели перевода и гетерогенности, предложенные в ANT [Star, 1991; Star, Griesemer, 1989]. Эта критика побуждает ряд исследователей в ANT обратиться к пересмотру метафоры сети и исследованию новых форм пространственности и гетерогенности.
5. В зоне обмена осуществляется «пограничная работа», в ходе которой (пере) определяются отношения между СИ и ANT. Представители СИ утверждают, что основные тезисы ANT имплицитно уже присутствовали в СИ. СИ трактует ANT преимущественно как социологию науки и технологии или как социологию вещей, отказывая ей в способности объяснить всю социальную жизнь [Garrety, 1997; Berg, 1996; Lynch, 1996]. ANT же отстаивает свои претензии на радикальное отклонение от СИ и переустройство социальных наук.

В заключение мы могли бы сказать, что наши герои являются братьями (или сестрами) в плодовитом и плодотворном семействе прагматизма. По некоторым генеалогическим сводкам, у них одинаковые родимые пятна, сопоставимые метрики и похожие интересы. Однако, как это часто бывает между близкими родственниками, общее наследие является скорее предметом споров, чем согласия. Кроме того, СИ и ANT исходят из разных антропологий, которые ведут их разными путями к радикально непохожим социальным онтологиям. Тем не менее, неискоренимый зов прагматистской крови (или духа) делает их одинаково чувствительными к неопределенным и непредсказуемым процессам опосредования, присутствия и отсутствия. Возможно, из внимания к этой обоюдной чувствительности возникнут новые генеалогии, которые опишут рождение ANT из духа СИ и перерождение СИ из крови ANT. Возможно, они начнут свои нарративы с описания зоны обмена, которая есть у наших протагонистов и в которой они говорят на пиджинах, обмениваются убеждениями, практикуют критику и самокритику, корректируют и координируют свои исследовательские стратегии, что помогает им найти свой путь и в то же время не потерять себя.

Этот комментарий намеревался сказать больше о том, что происходит между СИ и ANT, чем о них самих. Оставляя за скобками многие принципиальные содержательные моменты, он нацеливался побудить российских интеракционистов и ANT-ишников к перекрестному чтению. Как всякий комментарий, он попытался внести свой вклад в то, чтобы позволить СИ и ANT как первичным текстам с-быться в России. Он по-своему пытался решить нередуцируемый парадокс: как «высказать впервые то, что уже было сказано, и неустанно повторять то, что, однако, никогда еще сказано не было» [Фуко, 1996, с. 62].

Библиография

1. *Блумер Г. Социальные установки и несимволическое взаимодействие // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. 2008. № 1. с. 133–141.*
2. *Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. с. 162–185.*
3. *Вахштайн В. (ред.) Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006.*
4. *Вахштайн В. С. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. с. 25–30.*
5. *Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. с. 64–92.*
6. *Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери/Латур Б. Социология вещей/под. ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. с. 199–223.*
7. *Латур Б. (а) Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6. с. 211–242.*
8. *Латур Б. (б) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии СПб: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.*
9. *Латур Б. (в) Об интеробъективности // Социология вещей/под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. с. 169–199.*
10. *Латур Б. (г) Политика природы // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 11–29.*
11. *Мид Дж. Г. Философия акта (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. 2007. № 1. С. 117–149.*
12. *Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. с. 47–97.*
13. *Хархордин О. Предисловие редактора // Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. с. 5–57.*
14. *Berg M. The Fruitful A-Modernism of a Lingering Modernist // Mind, Culture & Activity. 1996. Vol. 3. № 4. P. 252–258.*
15. *Clarke A., Gerson E. Symbolic Interactionism in Social Studies of Science // Symbolic Interactionism and Cultural Studies/Becker H. S., McCall M. (eds). Chicago: The University of Chicago Press, 1990. P. 179–206.*

16. *Clarke A., Star S. L. Science, Technology and Medicine Studies // The Handbook of Symbolic Interactionism/Reynolds L. T., Herman-Kinney N. J. (eds). AltaMira Press, Lanham, MD, 2003. P. 539–575.*
17. *Garrety K. Social Worlds, Actor-Networks and Controversy: The Case of Cholesterol, Dietary Fat and Heart Disease // Social Studies of Science. 1997. Vol. 27. № 5. P. 727–773.*
18. *Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne, 2009.*
19. *Latour B. (a) Morality and Technology: The End of the Means // Theory, Culture & Society. 2001. Vol. 19. № 5–6. P. 247–260.*
20. *Latour B. (b) Pragmatogonies: A Mythical Account of How Humans and Nonhumans Swap Properties // American Behavioral Scientist. 1994. Vol. 37. № 6. P. 791–808.*
21. *Latour B. (c) Science in Action. How to Follow Scientist through Society. Cambridge: Harvard University Press, 1987.*
22. *Latour B., Strum S. Human Social Origins. Oh, Tell Us Another Story // Journal of Social and Biological Structures. 1986. Vol. 9. № 2. P. 169–187.*
23. *Latour B., Strum S. Redefining the Social Link from Baboons to Humans // Social Science Information. 1987. Vol. 26. № 4. P. 783–802.*
24. *Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics // The New Blackwell Companion to Social Theory/Turner B. (ed.). Oxford: Blackwell, 2009. P. 141–159.*
25. *Law J. Organizing Modernity. Oxford: Blackwell, 1994.*
26. *Lynch M. DeKanting Agency: Comments on Bruno Latour's «On Interobjectivity» // Mind, Culture & Activity. 1996. Vol. 3. № 4. P. 246–252.*
27. *Maines D. Faultline of Consciousness A View of Interactionism in Sociology. N. Y.: Walter de Gruyter, Inc., 2001.*
28. *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World/Callon M., Law J., Rip A. (eds). London: The MacMillan Press Ltd, 1986.*
29. *Mead G. H. Mind, Self and Society: From a Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1934.*
30. *Mol J., Mesman J. Neonatal Food and the Politics of Theory: Some Questions of Method // Social Studies of Science. 1996. Vol. 26. № 2. P. 419–444.*
31. *Plummer K. Symbolic Interactionism in the Twentieth Century // Turner B. (ed.) The Blackwell Companion to Social Theory. Oxford: Blackwell, 2000, p. 193–223.*
32. *Sandstrom L., Martin D., Fine G. A. Symbolic Interactionism at the End of the Century // Ritzer G. Handbook of Social Theory. London; New Delhi: Thousand Oaks, 2001, p. 217–231.*
33. *Star S. L. Power, Technology and the Phenomenology of Conventions: on Being Allergic to Onions // A Sociology of Monsters: Essays on Power Technology and Domination/Law J. (ed). Oxford: Blackwell, 1991, p. 26–57.*
34. *Star S. L., Griesemer J. Institutional Ecology, «Translations» and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19. № 3. P. 387–420.*